

Лулу Тейлор — современная британская писательница, обладательница престижных наград и премий. Ее романы-бестселлеры обрели миллионы поклонников по всему миру. Истории Тейлор — это балансирование на грани скандального блокбастера и таинственной семейной саги.

Кейт начала жизнь с чистого листа: изменила внешность, сбежав от семьи и друзей, переехала с дочерью в другой город. В старом особняке никто не знает, кто они и откуда. Мечта сбылась. Но любопытные соседки-старушки начинают интересоваться жизнью новоприбывших. Много лет назад в пустых комнатах и темных коридорах особняка произошли странные события, и пожилые дамы знают об этом... Неожиданно сюда приезжает группа таинственных молодых людей. Их лидер, харизматичный Арчер, одержим идеей спасения избранных. История прошлого грозит повториться вновь. Какая же роль отведена в этих невероятных событиях Кейт и ее дочери?

Захватывающая прогулка сквозь прошлое и настоящее, сплетенные в один неразрывный узел. Этот психологический триллер захватит вас целиком.

Sunday Mirror

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6881-4

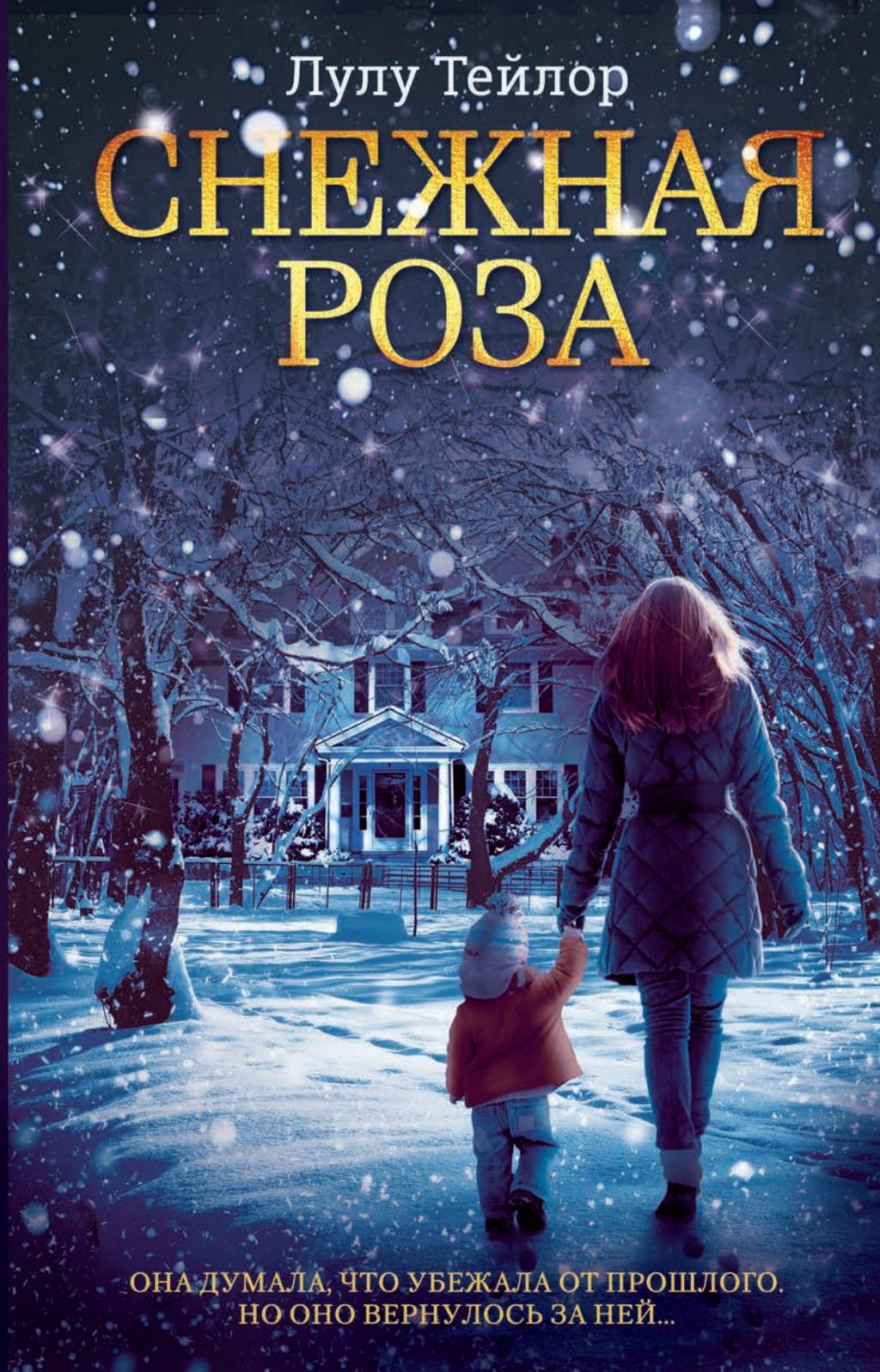
9 786171 268814

Лулу Тейлор

СНЕЖНАЯ РОЗА

Лулу Тейлор СНЕЖНАЯ РОЗА

ОНА ДУМАЛА, ЧТО УБЕЖАЛА ОТ ПРОШЛОГО.
НО ОНО ВЕРНУЛОСЬ ЗА НЕЙ...

**СНЕЖНАЯ
РОЗА**

LULU TAYLOR

THE
**SNOW
ROSE**

ЛУЛУ ТЕЙЛОР

СНЕЖНАЯ РОЗА

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Т30

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Впервые опубликовано в 2016 году издательством Pan Books, an imprint of Pan Macmillan, a division of Macmillan Publishers International Limited

Переведено по изданию:
Taylor L. The Snow Rose : A Novel / Lulu Taylor. — London : Pan Books, 2016. — 496 p.

Перевод с английского *Владимира Скоробогатова*

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-6881-4
ISBN 978-1-4472-9098-8 (англ.)

- © Lulu Taylor, 2016
- © Depositphotos.com / Nataliia-Melnyc, Feverpitch, dmitryelagin, MNStudio, обложка, 2019
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Посвящается всем женщинам семейства Тейлор

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хедер сидит в машине прямо за мною. Я вижу ее, сидя за рулем. Иной раз она смотрит в окно, другой раз напевает или тихонько разговаривает сама с собой, и выражение ее лица все время меняется. Хотела бы я знать, что делается в ее голове. Воображения ей всегда было не занимать. В последнее время она стала спокойнее и серьезнее, но тут нет ничего удивительного.

Она никогда не спрашивает меня, куда мы едем.

Иногда перед моими глазами мелькает собственное отражение в зеркале заднего вида — всего лишь отблеск обесцвеченных пергидролом волос или оправы солнцезащитных очков, и я дивлюсь, на кого я вообще смотрю. Я чувствую припадок страха, приступ паники, что вызывает покалывание в ладонях и зуд в кончиках пальцев, и вынуждена бороться с собой, чтобы не вдавить акселератор в пол и не попытаться спастись бегством.

Обесцвеченные пергидролом волосы. О чем я думаю?

Вообще-то мне следует быть безликой. А у меня короткая стрижка, белые волосы, на губах багрово-красная помада, и выгляжу я как персонаж из научно-фантастического фильма или шпионского триллера. Я даже одета в черный плащ свободного кроя и ботинки на толстом каблуке. Моя теория — это психология навыворот: наверняка все ждут,

что я должна сливаться с фоном, а не привлекать внимание. Может быть, от меня ждут, что я изменю внешность, но не таким образом.

Рори однажды подарил мне шляпу — большую коричневую фетровую шляпу, которая выглядела немного по-деревенски. Я надевала ее, отправляясь за покупками, поскольку обнаружила, что эта шляпа меня маскирует. Знакомые на улице проходили мимо. Они видели только шляпу, и врожденное стремление не быть пойманными на разглядывании прохожих мешало им бросить взгляд на мое лицо.

Именно об этом я думала, когда покупала пергидроль. Вызывающая внешность, как я надеялась, поможет избежать пристальных взглядов, этих сдвинутых бровей, когда человек понимает, что ты выглядишь знакомой. Они будут смотреть на блондинистые волосы, и это отвлечет внимание от того, что делает меня мною, от того, что я не могу изменить.

Я планировала замаскировать и Хедер. Я купила ей рыжевато-красную краску для волос и собиралась с помощью грима изобразить на ее носу и щеках веснушки. Позднее выяснилось, что сделать это я не в силах. Я хотела изменить ее прическу: распущенные светлые волосы должны исчезнуть. Я подумала, что хорошо бы придать ей облик девчонки-сорванца. Может быть, даже одеть ее как мальчика. Однако я не смогла. Я взяла ножницы, но не смогла обрезать ее волосы. Что ж, сейчас она выглядит как всегда: большие голубые глаза, густые прямые ресницы, ямочка на округленном подбородке, которую она унаследовала от отца. И светлые волосы, спадающие на плечи.

— Нам еще долго ехать? — спрашивает Хедер с заднего сиденья. Она ко всему относится спокойно. Ко всем кардинальным переменам в ее юной жизни. Ко всему, что произошло между Рори и мною. К тому, что она покинула родной дом. Ко всем необычным дням, которые мы

провели вместе, пока я не подыскала нам новое место для жизни. Наше тайное убежище.

Я весело отвечаю:

— Теперь недолго, милая. Может быть, с час или около того. Может, чуть дольше.

Хедер снова смотрит в окно. Где она научилась терпению? Она всегда была очень самодостаточной, способной уходить в себя и находить там все, что ей нужно.

— Хочешь послушать сказку? — спрашиваю я. — Я могу поставить тебе компакт-диск.

— Про Винни-Пуха? — живо интересуется она. Мы уже слушали эту запись, но я не против, если ей хочется послушать снова. Я могу отключить голос диктора и размышлять. Можно проиграть весь диск, и я не услышу ни слова.

— Да, — говорю я и нажимаю на кнопку, включая проигрыватель. Играет музыка, и Хедер улыбается. Я смотрю на дорогу, на то, как миля за милей наматывается на колеса, и надеюсь, что место, куда мы едем, окажется достаточно далеко.

Я в прокатном автомобиле. Я не использую собственный, потому что знаю, что любое авто на магистрали регистрируется видеокамерой и существует автоматическая система распознавания номеров, а это значит, что можно легко отследить любого, кто пользуется одной из главных дорог. Я отказалась от спутниковой навигации из страха, что меня могут выследить, поэтому путешествие занимает уйму времени, ведь я выбираю второстепенные сельские дороги, проходящие через маленькие города и деревеньки. Я прокладываю необычный обходной маршрут, чтобы сбить с толку любого возможного преследователя. Время от времени я вынуждена останавливаться на придорожной площадке и продумывать следующий этап пути. Я не в состоянии удерживать в памяти весь маршрут. Ведь недавно случилось и кое-что еще: мне отказала оперативная память, я быстро и полностью забываю многие вещи. По мере

приближения к пункту назначения после долгого дня за рулем дорога становится труднее, и я вынуждена чаще останавливаться. Хедер задремала на заднем сиденье, свесив голову набок. Я рада. Путешествие было утомительным, остановки на станциях техобслуживания ограничивались заправкой бензином и краткими визитами в туалет, и эти перерывы делали его еще более тягостным. Я проговаривала про себя названия дорог, порядок поворотов налево и направо и выездов с кольцевых развязок. Мы в той части страны, которую я знаю совсем плохо, и чувствую я себя так, словно мы за границей.

Именно так они и будут думать. Там они и станут искать.

Я оставила максимально возможное количество следов, которые подсказывали, что мы покидаем Британию. Я рассылала электронные письма с просьбами об информации в отели Франции, Италии и Испании. Я покупала билеты на самолеты, поезда и паромы, порождая следы, которые вели в самых разных направлениях, и надеялась, что все они вызовут достаточно замешательства, чтобы я смогла выиграть какое-то время. Впрочем, скорее всего, это никого не обманет. Свидетельств о том, что мы куда-то уехали, не будет. Наш автомобиль не въедет на паром через Ла-Манш, наш багаж не будут грузить на борт самолета, а мы не займем места в салоне. Видеокамеры наблюдения не запишут, как беловолосая женщина в солнцезащитных очках, держащая за руку маленькую девочку, проходит через терминал или таможню. Наши паспорта, просканированные и проверенные, были бы внесены в какую-то базу данных, показывая, что мы пересекли границу. Разве не так это происходит? Разве они не следят за каждым из нас?

Проблема в том, что на самом деле я не знаю. Однако у меня каким-то образом сложилось впечатление, что в наше время спрятаться мы не можем. Скорость передачи информации, окружающие нас сети, снимающие нас видеокамеры, спутники, отслеживающие наши перемещения,

электронные отпечатки наших следов — все это означает, что мы не можем долго оставаться незамеченными. А когда в деле замешан ребенок, тем более нет сомнений, что все эти стеклянные электронные глаза будут поворачиваться вслед за нами, виртуальные ищeyки будут идти по нашему следу, внюхиваясь в наш запах и ожидая, что мы где-нибудь да объявимся.

Поэтому мне нужна была сообщница.

— Ты должна мне помочь, — торопливо и требовательно сказала я. Раньше я никогда не разговаривала с Каз таким тоном, и она глянула на меня с испугом. Должно быть, выражение моего лица сообщило ей, что все изменилось. Я годами заботилась о ней, пока она переживала то, что случилось с Филиппом. Я всегда была рядом, готовая выслушать, посочувствовать, сосредоточиться на ее проблемах. Однако этому пришел конец. Теперь она сделает то, что хочу я.

— Но... как? Что же я могу сделать? — Она казалась сбитой с толку. Удивительно, как люди навязывают вам свою помощь, предлагая сделать все что угодно, — до тех пор, пока вы не скажете: «Что ж, хорошо. Ты можешь мне помочь». Тогда они сразу идут на попятную. Однако я не собиралась дать Каз отвертеться.

— Мне нужны деньги. Я не могу пользоваться банкоматами. А еще я хочу пользоваться твоим адресом, поскольку он не связан со мною.

— Пользоваться моим адресом?

— Делать вид, что я тут живу. Не беспокойся, ты не будешь получать никакой почты, потому что я оформлю переадресовку. Это просто для их систем. Обещаю, для тебя не будет никакой разницы.

Каз сморгнула, вдруг став беспомощной перед лицом моей решимости.

— Тебе не следует этого делать, Кейт, — сказала она слабым голосом. — Это неправильно, заверяю тебя. Ты об этом пожалеешь.

— Ты не знаешь, что я собираюсь сделать, — коротко ответила я.

— Ты уезжаешь. Ты уходишь отсюда. Знаю, ты не скажешь мне куда. Это неправильно, Кейт. Говорю тебе, не делай этого.

— Ты не понимаешь. Это все, что я могу сделать, — ответила я. — У меня нет выбора.

И я была права. Это было единственное, что придавало мне сил жить дальше. Я черпала жизненную силу из потребности скрыться. Настоятельная необходимость планирования, список того, что надо сделать, — все это не давало мне свалиться в черную бездну, которая разверзлась — разверзается каждый день — подо мною. Это и Хедер.

В итоге Каз сказала да, и я знала, что она так скажет. Она помогла мне, позволив использовать ее адрес и промолчав о своих подозрениях. Я постаралась, чтобы она знала как можно меньше. Я создала новый электронный аккаунт и заходила в почту только с компьютеров общественного пользования в библиотеке, защитив аккаунт паролем, не похожим ни на какой прежний. Я обратилась за кредитной картой на новое вымышленное имя и в должное время получила ее, переадресованную из дома Каз. Интересно, эти люди хоть что-нибудь проверяют? Начав строить планы, я даже стала получать удовольствие от этой игры. Какую тактику придумать, чтобы ускользнуть от людей, которые, может быть, наблюдают за мной, а может быть, не наблюдают? Как я могу их провести? Я чувствовала себя так, будто максимально использовала животный инстинкт, чтобы перехитрить врага, или была предводительницей небольшой кучки мятежников, просчитывающей, как скрыться от могущественного противника. Робин Гуд против шерифа. Будика против Римской империи.

И все время мне надо было хранить свои планы в тайне от Рори. Когда мы разговаривали по телефону, чего я старалась избегать, он всегда спрашивал:

— Ты ведь не собираешься делать никаких глупостей, правда?

— Конечно нет. — *Так я тебе и скажу.*

— Ты разговариваешь... как-то по-другому, — сказал он за несколько дней до запланированного мною отъезда. Он позвонил вечером, и я автоматически сняла трубку до того, как сообразила, что это время его звонков.

— Да ну? — Я сразу попыталась говорить нормально.

— Да.

— Почему?

— Дрожь в голосе... Не знаю. Подавленность. У тебя все нормально?

Несколько секунд я молчала. Если честно, я понятия не имела, как ответить на этот вопрос. Пока я думала об этом, все мое существо охватила холодная ярость. *Чего, черт бы тебя побрал, ты ожидаешь? Нормально? Нормально?! Ничего никогда уже не будет нормальным!*

Воцарилось тяжелое молчание. Я слышала только дыхание Рори. Я знала — ждать, пока он заговорит, бесполезно. Рори был мастером молчания. Он мог держать такую длинную паузу, что я кусала губы, чтобы не закричать ему: «Скажи что-нибудь, *что угодно*, лишь бы заполнить пустоту». Все было бы не так плохо, если бы я не знала, что в голове у него полно слов, он просто отказывается произнести их вслух.

Он откроет рот только тогда, когда переработает все к своему вящему удовлетворению, тогда как я привыкла говорить так, будто пыталась разобраться в собственных мыслях, что он находил крайне утомительным. Таким образом, каждый из нас по-своему заставлял другого страдать.

— Я в полном порядке, — наконец сказала я. Во рту снова появился знакомый противный вкус. Горечь.

— Можно мне прийти?

— Нет, — немедленно отреагировала я.

— Хорошо. Это совершенно нормально. — Облегчение, прозвучавшее в его голосе, заставило меня ощутиниться. После паузы он сказал: — Ты была у консультанта?

— Это не имеет смысла, — коротко ответила я.

— Это может помочь, — мягко сказал он. — Мне бы хотелось, чтобы ты попробовала.

— Может быть. Может быть, в скором времени. — Мысль о том, что час беседы с посторонним человеком может открыть путь к решению наших запутанных проблем, выглядела смехотворной. Все равно что пытаться вычерпать море ложкой. Слишком уж много всего.

— Когда? На следующей неделе?

С языка готовы были сорваться слова о том, что на следующей неделе я буду далеко, вне пределов его досягаемости. Я убегу. Я знала, что он планировал забрать у меня Хедер, хотя делал вид, что не собирается этого делать. Я не могла допустить, чтобы такое случилось, особенно теперь, когда у меня не осталось ничего, кроме нее.

— Да, наверное, на следующей неделе, — сказала я, бросая ему кость и радуясь этому. Мне удалось от него убежать, хотя он об этом еще не знал.

— Давай я договорюсь о встрече с консультантом? Я заплачу за нее, — сказал он голосом, полным надежды и энтузиазма. — Какой день тебя устроит? Среда? Я знаю, что в среду он принимает.

— Да. Хорошо. В среду. Отправь мне сообщение со временем приема.

— Прекрасно, — сказал он с явным облегчением. — Это первый шаг, Кейт. Первый шаг.

— Да-а. — Я передернула плечами. — Ты прав. Первый шаг.

— Может быть... может быть, мы поговорим об Ади?

Это было уже слишком.

— Нет! — крикнула я. Меня бросило в дрожь. Я почувствовала, что моя голова затряслась, как у плохо управляе-

мой марионетки, пальцы задрожали, а колени подогнулись. — Даже не смей, Рори!

— Ну ладно, ладно. Прости, пожалуйста. Успокойся. Никто не заставит тебя говорить о том, о чем ты не хочешь говорить.

Ты прав, парень. Никто не заставит.

— Ты знаешь, что я чувствую, — удалось мне выдать из себя. Дрожь добралась до голоса. Я едва могла говорить. Мои плечи передернулись, меня трясло. — Я не м... м... могу.

— Прости, Кейт. Мне не следовало ничего говорить. Ладно, мне надо идти. Я договорюсь о консультации, а дальше разберемся.

— Хорошо. До свиданья.

Я положила трубку и закрыла глаза. Я прекрасно знала, что он пытается сделать. Встреча с консультантом будет первым шагом в его неуклонном стремлении забрать у меня Хедер. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. Я должна была сделать выбор, и я точно знала какой.

— Кейт!

Я подпрыгнула. До запланированного мною отъезда оставалось два дня, и я жила на адреналине.

— Что ты здесь делаешь? — Это была Сэнди, моя начальница, которая озабоченно смотрела на меня, сидевшую за своим рабочим столом.

— Я... я вообще-то хотела наверстать кое-что, — ответила я. Хотя она не могла видеть экран моего монитора, я быстро переключилась на домашнюю страницу, в то же время отвлекая ее взгляд переключением бумаг на столе. Я достала их на всякий случай. В действительности я сидела в Интернете, войдя в систему под логином моей прежней ассистентки, чьи данные до сих пор сохранялись в компьютере. Я давным-давно сообщила в информационную службу о том, что она ушла, однако они не удосужились

деактивировать ее профиль. Он был здесь, неиспользуемый, миленький безопасный канал доступа во Всемирную паутину. Я перестала чувствовать себя комфортно в библиотеке. Сидя у компьютера, я все время представляла людей, которые с любопытством пялятся на экран через мое плечо, или персонал, который уже начал обращать внимание на меня и мои походы к терминалу. Хотя я вела себя как и другие регулярные посетители. Я начала их узнавать: небольшая стайка пользователей. Вероятно, люди, ищущие работу, в основном молодые, вставляли в уши наушники и покачивались в такт дребезжащей музыке и в то же время бегали пальцами по клавиатуре или двигали мышкой, напряженно всматриваясь в экран. Хотела бы я знать, выделяюсь ли я на их фоне? Ночью я лежала без сна, думая об этом, а также о том, как решить проблему. Мне нужен был Интернет. Однажды, думая о том, как я могла бы действовать без него, я вдруг поняла, насколько тесно Интернет переплетен с моей жизнью. Он обеспечивал меня необходимой информацией и связью, особенно если я хотела передвигаться с достаточной скоростью. Полагаю, до сих пор есть люди, предпочитающие писать письма от руки, отсылать по почте и ждать ответа, который может прийти, а может и не прийти, но я к их числу уже не принадлежала. Я хотела получать ответы сегодня же. Пополудни. Через час. Немедленно. Немедленно. Немедленно. Нельзя терять времени. Именно тогда мне пришла в голову идея вернуться на работу. Безотлагательно. Интересно, почему я не подумала о таком решении раньше? Я впервые за это время расслабилась и сразу же заснула.

Сейчас, когда передо мною стояла Сэнди с некоторой настороженностью во взгляде, я поняла, что это будет не так просто, как я надеялась.

Почему ничего не дается легко? Почему я не могу просто делать то, что хочется?

Она медленно проговорила:

— Это в самом деле замечательно, Кейт. Но тебе, честно говоря, не стоило этого делать. Мы вполне способны справиться без тебя, пока ты занимаешься тем, что тебе необходимо. Линдси прекрасно тебя заменяет.

Я глубоко вдохнула. Пришло время еще больше запутать следы.

— Да, я знаю, но вообще-то я чувствую себя гораздо лучше, и мне просто нужно... Мне просто нужно... кое-что сделать. — Я улыбнулась ей с надеждой расположить к себе и, возможно, с некоторой мольбой. — Дома, когда мне нечего делать, я просто схожу с ума. Я решила, что мне надо прийти сюда и покончить с мелкими недоделками. Сначала я хотела написать Линдси, а потом подумала, что проще будет прийти и сделать это самой... И пришла.

Сэнди улыбнулась в ответ. Все было написано у нее на лице. Я могла прочесть на нем, что они обо мне говорят, что думают — уйма сочувствия, уйма интереса, уйма «не дай бог оказаться на ее месте». Они хорошие, но всего лишь люди. Все мы, в конце концов, наблюдая других, думаем, действительно ли они чувствуют или понимают вещи так же, как мы. Некоторое время мы размышляем над чьей-то жизненной ситуацией, а потом возвращаемся к собственным многообразным проблемам и утехам.

В данный момент никто не хочет оказаться на моем месте, хотя реальность не позволяет слишком глубоко об этом задумываться.

Они отмахиваются от своего знания и возвращаются к заботам о разных мелочах, которые занимают так много места, пока однажды не возникает большая проблема, по сравнению с которой все кажется сущей ерундой. И ты тоскуешь по тем временам, когда хреновым днем считался тот, в который вышел из строя бойлер, или помяли твой автомобиль, или ты превысила время стоянки у супермаркета и получила штраф. Неужели это правда могло затронуть всерьез?

Я приходила в офис как можно раньше, чтобы избежать сочувственных взглядов и расспросов небезразличных коллег. Когда я появлялась, ночной охранник все еще сидел за стойкой в приемной. Он смотрел пустыми глазами на пропуск, который я мельком показывала ему, и ничего не говорил, явно не узнавая меня. На четвертом этаже было пусто и тихо, не считая гудения ксероксов и другой техники. Я забыла, что Сэнди любит появляться в офисе в несветлую рань в те дни, когда ее нянька уходит в четыре. Должно быть, она увидела меня, когда шла в кухонный уголок за кофе.

— Кейт, — мягко сказала она, — в самом деле, это ни к чему. Мы здесь обо всем позаботились. Я не имею в виду, что твоя работа пропала. Она не пропала. Мы подождем, пока ты придешь в себя, и после будем рады твоему возвращению. Однако не думаю, что ты должна спешить. Не так давно...

— Хорошо, хорошо, — откликнулась я, и мои глаза метнулись к экрану. Сейчас надо выйти из системы. Было понятно, что я должна уйти. — Я знаю. Правда, я знаю. Но... — Я снова улыбнулась. — Странные вещи происходят в мозгу. Теперь, когда я все уладила, я чувствую себя лучше.

Я ничего не сделала. Ничего. Но это не имело особого значения. Все сделает Линдси, она такая трудолюбивая.

— Я рада, что ты чувствуешь себя лучше. Однако думаю, что сейчас тебе не нужно быть здесь.

Ее слова вызвали у меня негодование, хотя я его скрыла. Возможно, она намеревалась проявить сочувствие, доброту и конструктивность, но на мгновение мне послышалось, будто она говорит, что я принесла с собой на рабочее место нечто ужасное. Я его оскверняла. Они не хотели, чтобы я приносила с собой свои неурядицы. Сейчас я была прокаженной, нечистой. Не следует ли мне звонить в колокольчик, предупреждая о своем приближении, чтобы все цельные и здоровые могли убраться с моего пути до того, как я инфицирую их комфортные мирки и их самих? Я не могла говорить,

пока эти мысли вихрем крутились в моей голове. Сэнди со скорбным выражением на лице протянула мне руку.

— Кейт, нам всем очень жаль.

— Да. Спасибо. Цветы я получила. — Мне удалось выдать из себя улыбку.

— Если разговор тебе поможет, я всегда готова.

— Спасибо. — Я выключила компьютер и поднялась на ноги. — Ты очень добра. В самом деле.

— Давай свяжемся, когда ты готова будешь вернуться. Мы бы хотели, чтобы ты вернулась. Когда будешь готова.

— Да-да... — Я схватила свое пальто, висевшее на спинке стула. — Это великолепно. Я обязательно дам тебе знать. Пока, Сэнди. Еще раз спасибо.

Я направилась к выходу, не дожидаясь, пока она скажет что-нибудь еще. Я не хотела жалости и сострадания. Я хотела справиться со своими проблемами. Надо было сделать так много. Я спешила. Я должна была уехать. Времени обо всем подумать у меня не было.

В тот вечер мне позвонил Рори. Я знала, что это он. Одно-го взгляда на часы было достаточно. На них было восемь, и я занималась уборкой после того, как уложила Хедер в кровать. Остатки ее ужина по-прежнему стояли на столе: почти нетронутая миска макарон, запеченных с сыром. Она никогда не была хорошим едоком и обычно ела так медленно, что успевала утолить аппетит до того, как съела достаточно, чтобы можно было считать, что она поела. Однако некоторые любимые блюда исчезали крайне быстро. В последнее время она стала есть еще меньше, и хотя я старалась готовить ее любимые блюда как можно чаще, впихнуть в нее их я не могла. Большая часть того, что я готовила, отправлялась в компостный ящик.

«Завтра я накормлю ее досыта», — пообещала себе я, а потом задумалась, что буду есть сама. Я не слишком люблю макароны с сыром, и вообще мой аппетит сильно

ухудшился. Мне казалось, что еда не имеет вкуса. Горечь во рту была слишком сильной, чтобы можно было заглушить ее другим вкусом, а поскольку я не получала удовольствия от вкуса еды, пища стала тягостной необходимостью. По большей части я обходилась крекерами с ломтиками сыра. Иногда покупала банку паштета из скумбрии или что-нибудь такое, что можно было быстро и просто запечь на решетке. Смутно я замечала, что теряю вес, однако меня это ничуть не трогало. В прежнее время я гордилась бы тем, что застегиваю ремень на самую последнюю дырочку, а потом продеваю еще одну, и получала бы удовольствие от того, что с меня спадает одежда, что джинсы стали мне велики. Теперь мне на это стало наплевать. Моей единственной заботой было оставаться здоровой ради Хедер. Она нуждалась во мне.

Когда зазвонил телефон, меня охватило раздражение. Неужели он не в состоянии оставить меня в покое? Зачем меня постоянно донимать? Это ничего не изменит.

— Чего ты хочешь, Рори?

— Просто немножко поговорить с тобой. Узнать, как у тебя дела.

— У меня все хорошо.

— Можно мне прийти?

Я посмотрела на беспорядок, давно ожидающий, чтобы его ликвидировали: грязные кастрюли, дуршлаг, ложки, столешница с пятнами соуса, желтые стружки тертого сыра, рассыпанные вокруг.

— Нет. Я занята.

— Чем?

— Рори...

— Что?

— Не твое дело, чем я занимаюсь.

— Думаю, мое. Я о тебе забочусь. Ты моя жена.

— Пока что, — резко ответила я. Меня не волновало, какой вывод сделает он из моих слов. Меня не волновали

его обиды. В конце концов, что еще может причинить нам боль?

— Кейт. — Его голос был наполнен грустью. — Это не должно с нами случиться. Мы можем это пережить.

— Не думаю. — Я сказала это всерьез. Я в самом деле не думала, что это возможно. Смутно я помнила, что когда-то мы были счастливы. Он часто меня смешил. Он меня холил и лелеял, он защищал меня, и мы выстроили совместную жизнь. Потом он все испортил. Он разлучил нас. И независимо от того, что думал он, я была уверена, что прошлого не вернуть.

— Мне хотелось бы, чтобы ты позволила мне увидеть тебя. Мы смогли бы поговорить.

— О чем нам говорить? — Я сразу же пожалела об этих словах. Я не могла себе их позволить. — Послушай, тебе нельзя сюда приходить. Прости. Мы поговорим в другой раз.

Я положила трубку и несколько секунд пялилась на нее. Я предполагала, что рано или поздно мы с Рори разведемся, когда я найду время об этом подумать и силы, чтобы пройти через все эти тоскливые казенные процедуры. Общий дом. Раздел денег и имущества. Вопрос с Хедер. Другие подразумеваемые вещи.

Он не заберет ее у меня. Вот чего он хочет. Вот чего все они хотят.

Теперь мы здесь, в этом большом, но заброшенном старом доме. Только мы вдвоем. *Наконец-то в безопасности.* Знаю, они думают, что она не должна оставаться у меня. Моя мать так думает. Поэтому я с ней не вижусь, как и с моей сестрой. Они заодно с Рори, все они строят планы, как забрать ее у меня. Вот почему я убежала от них, как только смогла, как только у меня появилась такая возможность.

Я за дверью спальни и заглядываю туда через щелочку. Свет в спальне погашен. Я смутно различаю очертания кровати и мужчины, сидящего на ее краю. Я слышу слабый голос:

— Папочка, ты умрешь? А мамочка умрет? А Хедер умрет?

Ответ спокойный. Твердый, категоричный:

— Да. Мы все умрем.

— Когда? Мы скоро умрем?

— Может быть. Никто этого не знает.

Я слышу решительный упор Рори на честность. Мы всегда говорили, что не будем лгать детям. Мы будем говорить им правду обо всем. О том, как они родились (никакой капусты, никаких аистов), о том, чего они могут ждать от жизни, о том, как она быстротечна. Никаких обещаний Бога, или загробной жизни, или чего-то подобного. Мы не будем скрывать истинного положения вещей, не будем снисходительными. Мы будем говорить правду.

Голос мальчика встревожен:

— Завтра? Папа, ты завтра умрешь?

— Возможно. Все мы можем умереть в любой момент.

— Не умирай завтра, папочка! — Его голос дрожал от страха. Я почти видела, как он вцепился в руку отца. — Оставайся дома, тут безопасно.

— Да ладно тебе, мальш. Все не так уж плохо. Уверен, все будет хорошо. Есть шансы, что я переживу завтрашний день.

— А послезавтрашний?

— Скорее всего.

— Но...

— Однажды все мы умрем. Это ужасно, но так уж устроен мир. А теперь давай поговорим о чем-нибудь другом.

Однако мальчик не мог говорить ни о чем другом. Он хотел говорить только о смерти, пока наконец его не уговорили поспать.

— Ради бога, — сказала я позже, когда мы сидели у каминна, а на столе перед нами стояли бокалы с вином. — Просто скажи ему, что ты не умрешь.

— Но я не могу этого гарантировать, — вздохнул Рори. Я чувствовала, что ему ненавистна сама мысль о причинении

боли, однако он принял решение и считал, что должен его придерживаться.

— Неужели ты не видишь, что пугаешь его? Неужели это и в самом деле наилучший способ?

Я оглядела Рори. Его карие глаза лучились искренностью и благими намерениями. Я уже знала, что он лжет мне каждый день. Он лгал уже много месяцев. Я не могла избавиться от мысли, что правды мы не знаем. Мы не знаем ничего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда мы в конце концов добираемся до места назначения, упрятанного за длинной высокой стеной на некотором отдалении от ближайшей деревни, уже темно. Рядом с дорогой видны огромные железные ворота с двумя створками, и мне приходится выйти из машины, чтобы их открыть. На воротах навесной замок, однако на кирпичном столбе есть сейф для ключей, отпираемый с помощью кода, который прислали мне по электронной почте. Я набираю серию цифр, замок послушно щелкает и открывается, наполняя меня облегчением.

Видишь? Все сработает. Просто надо знать, что ты делаешь, и все получится.

В металлическом ящике лежит снабженная потрепанным кожаным брелком связка ключей. Я вынуждена перепробовать один за другим, пока не нахожу нужный. Я распахиваю тяжелые створки и возвращаюсь в машину, проезжаю через ворота, а затем снова выхожу, чтобы закрыть и запереть их. Мне нравится, как щелкает запираемый замок. Я накидываю на ворота цепь. Насколько я понимаю, никто не видел, как мы сюда заехали. Теперь я отгородилась от всего мира. Возвратившись в машину, я вижу, что Хедер проснулась.

— Мы приехали? — спрашивает она, возясь с ремнем на своем сиденье. Большими голубыми глазами она смотрит из окна на еле различимые тени. Подъездная дорога окаймлена высоким переросшим кустарником.

— Да, мы приехали. — Мой голос веселый и успокаивающий. *Все хорошо. Бояться нечего.*

Фары выхватывают очертания чего-то огромного впереди нас, пока мы с хрустом движемся по гравийной подъездной дороге. Разглядеть что-нибудь трудно. Конечно, на сайте я видела фотографии, но местность утопает в темноте.

— Мы рядом с домом, о котором я тебе рассказывала, — жизнерадостно сообщаю я. — Правда он потрясающий? Как будто это наш собственный замок!

Перед нами огромное здание, лишь небольшая часть которого освещена фарами автомобиля. Оно построено из кирпича, и при таком освещении рисунок кладки — «в елку» из красных блоков и черных линий — кажется безумным, невероятным. Мы стоим на переднем дворе, на покрытой гравием прямоугольной площадке перед домом, и ничто не говорит о том, что внутри есть какая-то жизнь. Дом настолько велик, что прячется в тени. Нечто колоссальное, массивное. Он куда больше, чем я ожидала. Я думаю, настолько ли он красив, как выглядел на фотографиях, с элегантными очертаниями и большими окнами, двумя этажами под двускатной крышей с высокими дымовыми трубами.

— Это наш новый дом? — Голос у Хедер усталый, и я догадываюсь, что она просто хочет поспать в каком-нибудь теплом и безопасном месте, которое никуда не едет. Но когда я смотрю в зеркало заднего вида, я также замечаю, какой ошеломленной и запуганной она выглядит. Голубые глаза ее расширенные и вопрошающие.

— Теперь, — решительно говорю я и расстегиваю свой ремень безопасности, — все будет хорошо. Обещаю. Первая ночь на новом месте всегда нелегка.

Во рту у меня снова горечь. До сих пор мои обещания были пустыми. Отчего ей верить мне сейчас? Она, должно быть, догадывается, что вещи не всегда бывают такими, какими кажутся. Дети так доверчивы, так уверены в том, что не зря появились на свет, так увлечены окружающим миром и всем, что он предлагает. Как поведать им горькую правду? Что их мир не всегда будет безопасным и нормальным. Что мама и папа не всегда могут прогнать плохое. *Мы всегда говорим им правду. Разве не так?* Но как я могу это сделать? И зачем? Почему бы не позволить им жить в приятности так долго, как получится?

— Хорошо, — говорит она слабым голосом. В последнее время ей пришлось со многим примириться, и она всегда старалась изо всех сил. Мое сердце разрывается от любви к ней, к моей чудесной девочке.

— Подожди здесь минутку, милая, пока я открою дверь. Я быстренько со всем разберусь.

В конце концов, мы должны быть счастливы в месте, которое называется «Райский Дом».

Я включаю фонарик в своем телефоне, чтобы осветить входную дверь. Я исследую связку ключей. Какой из них отпирает этот замок? И что, кроме замка на воротах, отпирают другие ключи, во имя всего святого? Я вожусь с ключами, пробуя один за другим, и сразу забываю, какой из них уже испытала. Во мне начинает нарастать паника.

Это катастрофа! Мы проведем перед запертой дверью всю ночь, и только утром я смогу позвонить этим людям. О господи! Я знала, что из моей затеи ничего не выйдет.

Неожиданно какой-то ключ легко входит в замочную скважину и поворачивается. Меня снова охватывает облегчение. Все-таки все будет хорошо.

Не знаю, сколько еще я смогу выдержать. Игра противоречивых сильных эмоций чрезвычайно утомительна.

Я делаю шаг в непроглядную темноту и начинаю ощупывать стену в поисках выключателя. Лишь после того,

как я снова включаю фонарик в телефоне, мне удастся найти то, что искала: ряд старомодных круглых выключателей из темно-коричневого бакелита, смонтированных на деревянной доске. Я щелкаю одним из них, и над моей головой загорается тусклая лампочка без абажура. Она дает слабый оранжевый свет. Толком не осмотревшись, я направляюсь к автомобилю. Я не хочу оставлять Хедер одну ни секундой больше, чем необходимо.

Она терпеливо ждет на своем сиденье. Она не спит, и под глазами у нее синие круги.

— Готова? — спрашиваю я.

Она кивает, и я расстегиваю ремень безопасности. Она выкарабкивается собственными силами — теперь, когда ей шесть лет, она едва помещается в детском кресле. Хедер неуклюже спускается на землю, задеревенелая после многих часов езды.

— Может, тебя понести?

Она качает головой. Она не позволяет мне носить ее с той ночи. Вместо этого она всовывает свою ладошку в мою руку, и я запираю машину. Она чирикает, мигает габаритными фонарями, боковые зеркала аккуратно складываются. Замки щелкают, запирая автомобиль, освещение салона гаснет. Хедер смотрит прямо перед собой, пока мы идем к свету, к лампочке внутри, которая теперь светит ярче, добавляя чуть-чуть радости унылому месту нашего назначения.

— Скоро ты будешь в постели, доченька, — говорю я с уверенностью, которой не чувствую, и веду ее в дом. В свободной руке я тереблю план дома. Я знаю, что кровать есть в комнате, которая находится ближе к задней части дома. Мне надо только найти ее, принести из машины постельное белье, постелить его и устроить Хедер. Потом мы наконец-то сможем отдохнуть.

Рори и я вместе в постели. Я лежу на спине, глядя в темный потолок, мои глаза все еще адаптируются после того, как

был выключен светильник у изголовья. Он перекачивается, целует мое плечо, трогает меня рукой.

— Ночь, дорогая моя, — говорит он.

Ночь. Я не собираюсь говорить, пока не собираюсь, но не могу удержаться:

— О... как прошел твой день? Я не успела раньше спросить. Как дела на работе?

— О, — говорит он расплывчато. — Хорошо. Много работы. — Он зевает. — Я совершенно разбит. Ты не против, если я сразу засну? Мы можем поговорить завтра, если тебе захочется.

— Конечно, не против. Ты устал. — Я оцепенела от напряжения и делаю попытку расслабиться. Не знаю, как долго смогу это выдерживать. — Но... день у тебя... был хорошим?

— Да, типа того. Как обычно. Уйма дел. Во время обеденного перерыва меня поймал Энди, вынужден был пойти с ним в паб. Потом обычные совещания — бюджеты и так далее. — Он вздыхает. — Так что я вымотался. — Он снова меня целует. — Увидимся утром.

— Хорошо, — говорю я. Через пару минут он засыпает, его тело слабо подергивается, погружаясь в дремоту. Я же заснуть не могу. Не теперь, когда я знаю.

Я проснулась в «Райском доме» следующим утром с первыми проблесками зари, пробивающимися сквозь тонкую штору на окне. Окружавшая нас обстановка была серой, но хорошо различимой. У нас огромная, но совсем голая комната. Не думаю, что она была спальней изначально, но теперь здесь стояла чугунная двуспальная кровать со старым полосатым матрасом, который вчера я накрыла нашей простыней. С середины потолка свисала голая лампочка на сером проводе, беленые стены испещряли вмятины; на тех местах, где когда-то висели картины, виднелись серые прямоугольники. Камин тоже был выкрашен в белый цвет.

Комната походила на место для натуральных съемок изысканного интерьерера, главным достоинством которого является крайнее убожество. Здесь есть старый сосновый платяной шкаф с грязным, покрытым пылью зеркалом в дверце и древнее изношенное кресло. По углам комнаты висят гирлянды паутины, вдоль плинтусов валяются пушистые комки пыли. У меня щекочет в носу, и я борюсь с желанием чихнуть.

Хедер еще спит, и я стараюсь не потревожить ее, пока выбираюсь из-под одеяла. Голый пол холодит мне ноги, и я дрожу в своей пижаме. Мои тапочки в какой-то сумке, наверное, по-прежнему в машине. Вчера ночью я принесла с собой только самое необходимое: свой чемодан и чемодан Хедер. У нее маленький лиловый чемоданчик с сиденьем, как у всех детей, и сейчас он открыт. В нем аккуратно сложенная одежда. Ее пижаму я положила сверху, чтобы до нее легко можно было добраться по прибытии, вместе с маленьким розовым клеенчатым несессером, в котором лежат зубная щетка и клубничная зубная паста. На цыпочках я подхожу к своему чемодану, вынимаю джемпер и натягиваю его поверх пижамы. Сразу согревшись, я решаю поискать кухню и посмотреть, что в ней есть. В машине лежит коробка с припасами, но вдруг мне повезет и я найду что-нибудь для чая или кофе? Я тихонько выхожу из комнаты в коридор. Оказавшись во мраке, я удивляюсь тому, что вчера смогла отыскать спальню, хотя мы были такими уставшими. Каким-то образом с помощью простейшего плана дома, предоставленного компанией, я смогла найти ее с первой попытки. Свет, который я включила вчера, горел, но маломощные пыльные лампочки давали лишь минимум освещенности. Это место было и похоже, и не похоже на то, чего я ожидала, разглядывая фотоснимки. Оно больше и запущеннее — я видела, что штукатурка на стенах местами обвалилась, а рейки для картин, которые тянулись вдоль стен, были черными от пыли. Однако

все же оно обладало каким-то благородством, которого я ожидала от такого старого здания.

А теперь моя работа — заботиться о нем. Как долго это здание стояло пустым? Почему предыдущие владельцы его покинули?

И, разумеется, кому и зачем оно нужно теперь?

Я смотрю на поэтажный план, который прихватила с собой, выходя из спальни. Нижний этаж занимают большие комнаты для приемов в центре и еще десятки комнат меньшего размера. Наша спальня, должно быть, когда-то имела иное назначение — возможно, это была небольшая гостиная или кабинет. Я разбираюсь со своим местоположением — где-то в восточной части дома, — и вскоре мне удастся найти дорогу в вестибюль, через который мы прошли прошлой ночью. Он внушительных размеров, с каменным полом в черно-белую шашечку и лестничной площадкой высоко над ним. В дальнем левом углу к ней тянется дубовая, в готическом стиле лестница. Массивная дверь напротив меня ведет в западную часть дома, я прохожу через нее и вхожу в новый коридор, вдоль которого видны закрытые двери. Одна дверь все же приоткрыта, я заглядываю внутрь и вижу большую столовую с окнами, выходящими на переднюю подъездную дорогу. Стены насыщенного бирюзового цвета, лепнина белая, а деревянный пол истерт. Посередине огромный старый стол с покрытой пылью столешницей, вокруг штук шестнадцать старых стульев. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как кто-то ел за этим столом?

Это место кажется таким заброшенным.

Я так мало знаю об этом доме. Компания не сообщила мне почти ничего, кроме того, что он уже некоторое время пустует. Не то чтобы он разваливался. Он просто грязный, и в нем стоит затхлый запах, который поселяется в пустых домах. Неудивительно, что они хотят, чтобы в доме кто-то был. Со всеми своими многочисленными комнатами это райская гавань для самовольных поселенцев. Я смотрю на стол.

Странно, что здесь что-то осталось. Хотела бы я знать, почему отсюда забрали все, кроме стола и стульев? И кто выбрал для стен такой цвет? Он просто удивительный.

Я уже собираюсь выйти, когда что-то привлекает мой взгляд. По обе стороны облицованного серым мрамором камина с мутным зеркалом наверху располагаются сводчатые альковы со встроенными полками. В ближайшем к окну алькове на одной из верхних полок стоит какой-то небольшой предмет. Из любопытства я обхожу огромный стол, пока не оказываюсь прямо перед альковым. Теперь я его вижу, хотя он стоит слишком высоко, чтобы дотянуться, и задвинут в глубину так, что его почти не видно. Это мраморный бюстик, около двенадцати сантиметров высотой, очень красивой маленькой девочки, ее голова слегка повернута в сторону, глаза закрыты, волосы сзади собраны в пучок. Губы сложены в милую полуулыбку, а на плече сидит птичка с раскрытыми крыльями и смотрит на ее лицо. Глядя на бюстик, я почти слышу веселое птичье пение и вздох восхищения девочки, слушающей его. Но... эти закрытые глаза, белые щеки и неподвижность внезапно меня отпугивают, и я поворачиваюсь и выбегаю из комнаты, закрывая за собой дверь. У меня колотится сердце, а дыхание становится поверхностным и отрывистым.

«Не будь глупой», — решительно говорю я себе, стоя в коридоре. Я ни в коем случае не должна позволять себе пугаться. Последнее, чего мне хочется, это начать бояться этого места, где нас только двое.

Это всего лишь дом. Пустой дом. Все иное, что ты приносишь сюда, является только плодом твоего воображения.

Глубоко дыша, чтобы успокоиться, я сверяюсь с планом и направляюсь в сторону кухни.

Кухня, как и остальные помещения дома, заросла пылью и грязью. Очевидно, ее никогда не модернизировали, разве что установили старую газовую плиту с открытым грилем,

расположенным на высоте глаз. Она стоит на выступе в кладке для дымохода, на том месте, откуда, по-видимому, убрали печь гораздо большей величины, и выглядит поэтому слишком маленькой. Рядом с ней всунут маленький холодильник, шнур от которого тянется к ближайшей розетке на рабочем столе. Пол покрыт узорчатым винилом, вероятно, чтобы скрыть оригинальный каменный пол, но настоящая прелесть — в открытых деревянных полках, идущих по стенам помещения в форме буквы Г, и высоких окнах в дальней стене, за которыми видна масса зеленой растительности. Полки старомодные, и нет сомнения, что когда-то на них стояли кастрюли, сковороды, миски и прочая кухонная утварь. На дальней стене полки покрыты толстым деревом со множеством царапин, на другой стене — мрамором. Верхние почти пустые, не считая небольшой стопки разнородной фарфоровой посуды — тарелки, миски, чашки и блюда с разными цветочными узорами. Огромная выщербленная раковина с двумя чашами увенчана старинным нагревателем с ржавым краном для горячей воды.

Хм. Нельзя сказать, что тут много добра. Что ж, посмотрим, что есть.

Обследуя кухню, я нахожу больше, чем ожидала: выдвижной ящик с разнобойным старым кухонным инструментом — разделочный нож и вилки с рукоятками из оленьего рога, покрытая пятнами пластмассовая лопатка. Затем я замечаю проем, который ведет в большую кладовую. Там обнаруживаются сокровища: старая жестянка с тремя чайными пакетиками, лежащими на дне в темно-коричневой пыли; банка растворимого кофе; коробка древнего, твердого как камень кускового сахара; жестянка какао, которое выглядит так, словно его срок годности истек никак не меньше десяти лет назад... Здесь есть стеклянная банка с чем-то похожим на поваренную соль — я не чувствую желания это попробовать, — горчица в порошке

и пустые жестянки. Кроме того, есть старомодный чайник из тех, что свистят, когда вода закипает.

Значит, я могу выттить чашку кофе. Да, черного, но по крайней мере у меня пока нет нужды выходить из дому. Может ли растворимый кофе испортиться?

Я вношу чайник в кухню и наливаю воды из крана над раковиной. Холодная вода бьет сильной струей, газ зажигается без проблем, так что системы обеспечения работают. Я насыпаю старый кофе в чашку с цветочным узором и жду, пока чайник засвистит.

Стоя в огромном помещении, опираясь на рабочий стол, я вспоминаю Рори, заваривающего по утрам кофе. Наша кухня была новой, с темно-синими шкафами внизу и кремовыми наверху, все деревянное, с соединениями на шипах типа «ласточкин хвост», рабочие поверхности гранитные, огромная светло-голубая плита, сверкающие кухонные принадлежности запрятаны за высокими дверцами шкафов. На рабочей поверхности позволено было стоять только кофеварке *Gaggia*, и каждое утро Рори строго следовал ритуалу приготовления кофе: густой крепкий эспрессо с парящим пенистым молоком, в точности как я люблю. Как мы оба любили. Мы без труда научились разделять вкусы друг друга. По уик-эндам мы неторопливо пили наш крепкий кофе во время завтрака — мюсли, тост и джем для него; что-нибудь с модными семечками, ягодами, орехами и овсяное молоко для меня. Такая у нас была жизнь, исполненная непринужденности, жизнь, которую я принимала как должное. Потребовалось несколько лет, чтобы организовать ее так, как нам хотелось, — мы тщательно планировали бюджет, каждый год осуществляя проект, который понемногу приближал нас к задуманной цели. Однако и все то время, когда нам приходилось мириться с несовершенством, мы были на самом деле счастливы. Все было прекрасно. Я представляю наш старый дом: веселый красный кирпич за зеленой живой изгородью, дорожка

Літературно-художнє видання

ТЕЙЛОР Лулу
Снігова троянда
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *Н. Ю. Тимченко*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 02.10.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 2000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ТЕЙЛОР Лулу
Снежная роза
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *Н. Ю. Тимченко*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 02.10.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 2000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Кейт почала життя з чистого аркуша: змінила зовнішність, втікши від сім'ї та друзів, переїхала з донькою в інше місто. У старій садибі ніхто не знає, хто вони і звідки. Мрія здійснилася. Але допитливі сусідки-бабусі починають цікавитися життям новоприбулих. Багато років тому в порожніх кімнатах і темних коридорах садиби відбулися дивні події, і літні дами знають про це... Несподівано сюди приїжджає група таємничих молодих людей. Їхній лідер, харизматичний Арчер, одержимий ідеєю порятунку обраних. Історія минулого загрожує повторитися знову. Яку ж роль відведено в цих неймовірних подіях Кейт і її доньці?

Тейлор Л.

Т30 Снежная роза : роман / Лулу Тейлор ; пер. с англ. В. Скоробогатова.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с.

ISBN 978-617-12-6881-4

ISBN 978-1-4472-9098-8 (англ.)

Кейт начала жизнь с чистого листа: изменила внешность, сбежав от семьи и друзей, переехала с дочерью в другой город. В старом особняке никто не знает, кто они и откуда. Мечта сбылась. Но любопытные соседки-старушки начинают интересоваться жизнью новоприбывших. Много лет назад в пустых комнатах и темных коридорах особняка произошли странные события, и пожилые дамы знают об этом... Неожиданно сюда приезжает группа таинственных молодых людей. Их лидер, харизматичный Арчер, одержим идеей спасения избранных. История прошлого грозит повториться вновь. Какая же роль отведена в этих невероятных событиях Кейт и ее дочери?

УДК 821.111